

УДК 81'27

Ю.А.Соснина

ЭМОТИВНОСТЬ И ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Кемеровский государственный университет

As a result of psycholinguistic experiment the functions of inner form can be made by any part of form and meanings of the lingual sign, depending on the probationers actualize. The emotion which people feel and/or find in word-stimulus influences on this actualization and properly on the word semantization way.

Эмоция, как наиболее яркое проявление субъективного начала, играет немаловажную роль в актах номинации и семантизации, так как является фактором, активно влияющим на выбор мотивировочного признака. Поводом для создания слова служит сильная эмоция. Внешние раздражители, не связанные с жизненно важными для человека событиями, не фиксируются на эмоциональном уровне (что способствует выживанию — как положительное, что не способствует — как отрицательное), соответственно — не отражаются на уровне перцепций, восприятий (тем более — понятий) и не закрепляются в памяти. Это отфильтровывает избыточную информацию, и таким образом в структуру значения слова включается не все, что было воспринято, а только то, что значимо и, как следствие, эмоционально [1]. Эмотивность слова, в которую преобразуется эмоция его создателя, обязательно должна быть выражена (иначе это слово просто не состоится как знак и не сохранится в языке), поэтому может быть воспринята. Именно эмотивность обуславливает выбор, использование в различных ситуациях определенных языковых знаков, которые уже имеются в языке в готовом виде. И выражается она во внутренней форме слова, которая, согласно учениям Гумбольдта и Потемни [2], обеспе-

чивает способность языкового знака сочетать чувственный и рациональный моменты. При этом эмоционально-чувственное, субъективное начало признается первичным по отношению к понятийно-рациональному (в начале было все же не слово, а чувственный образ).

Представляется, что носитель языка способен воспринять эмоцию, заключенную во внутренней форме даже не знакомого ему слова, и на ее основе выстроить свое субъективное толкование. Это позволяет утверждать, что процессы номинации и семантизации языкового знака взаимосвязаны и осуществляются на чувственной основе.

Для проверки этого предположения нами было проведено психолингвистическое исследование. Оно осуществлялось на материале ассоциативных реакций и субъективных дефиниций, полученных в экспериментальных ситуациях восприятия диалектных лексем, не известных (или мало известных) носителям литературной нормы. В список слов-стимулов для проведения эксперимента, выбранных интроспективно из «Словаря образных слов и выражений народного говора» [3], вошли 8 лексических единиц: *дуропляс, кошкодуй, малопулька, мыркалка, пухышевка, чурбачина, чушкан, шилохвостка*. Они определяются

авторами словаря как языковые метафоры и собственно образные слова.

Проведенное экспериментальное исследование было направлено на изучение смыслообразующих возможностей внутренней формы слова, понимаемой как ассоциативно-смысловый центр восприятия слова, обладающий возможностью неоднозначного определения мотивированности слова. Мотивированность, вслед за О.И.Блиновой, мы будем понимать как «структурно-семантическое свойство слова, позволяющее осознать взаимообусловленность его звучания и значения на основе его соотносительности с другими лексическими единицами» [4]. Под семантизацией слов мы понимаем определенную лингвистическую стратегию экспликации информации носителем языка, которая представляет собой дихотомию рефлексии рациональной, научной, отраженной в толковых словарях, и рефлексии эмоциональной, субъективно-ассоциативной, отраженной в индивидуальном сознании человека [5]. В процессе семантизации носитель языка совершает попытку осмыслить мотивированность слова, т.е. предположить, какой признак мог послужить основанием первичной номинации.

Генетическая память об истоках, мотивированности слова зафиксирована его формальной организацией и концентрируется во внутренней форме. А.А.Леонтьев в качестве одного из основополагающих постулатов психолингвистики высказывает положение, что «в основе восприятия речи лежат процессы, по крайней мере, частично воспроизводящие процессы ее порождения» [6]. Считаем это справедливым и для восприятия слова. Иными словами, семантизируя слово, носитель языка пытается воспроизвести первичную номинацию и эмоцию, послужившую поводом для ее осуществления. Все это позволяет носителю языка воспринимать и осмысливать мотивированность языковых знаков, а выбор мотивировочного признака оказывается обусловлен его эмоцией, а не каким-либо жестким законом. Слова-стимулы, которые использовались в проведенных нами экспериментах, были незнакомы испытуемым и, соответственно, представлялись им слабо мотивированными или произвольными. Это усиливало момент субъективного в осмыслении их мотивации.

Эксперимент состоял из двух частей — устной и письменной, которые отличались друг от друга степенью спонтанности, а соответственно и степенью осмысленности, т.е. соотношением рационального и чувственного компонентов в процессе семантизации языкового знака. В качестве испытуемых выступали 30 студентов I-V курсов факультета филологии и журналистики КемГУ. В устном эксперименте было получено 186 реакций, в письменном эксперименте — 372 реакции, т.е. всего 558 реакций.

Каждый участник эксперимента последовательно получал серию вопросов: 1. Какие ассоциации вызывает у Вас это слово? 2. Почему у Вас возникли именно эти ассоциации? 3. Что может обозначать это слово? 4. Почему Вы думаете, что у этого слова такое значение?

Вопросы 1 и 3 реализуют свободный ассоциативный эксперимент, ориентированный на уровень восприятия, когда носитель языка не осознает большинство элементов своей языковой способности.

Вопросы 2 и 4 реализуют направленный ассоциативный эксперимент, связанный с наблюдением реципиента над собственной языковой способностью, которое замедляет бессознательные процессы, в большей или меньшей степени переводя их на уровень осознания. Судя по тому, на что обращает внимание носитель языка, осуществляя рефлекссию в ходе направленного эксперимента, можно установить значимость того или иного типа мотивированности слова-стимула.

Опыт психологических исследований [7] показывает, что эмоции оказывают определенное влияние на ход ассоциативного эксперимента, а именно:

- 1) на тип ассоциации (объективный или субъективный);
- 2) на скорость ассоциативных реакций испытуемого (о наличии эмоционального переживания свидетельствует его немедленная реакция, а также всякая ассоциация, длительность которой превышает 2,6 секунды);
- 3) на общее поведение испытуемого во время проведения эксперимента (замешательство, смех, отражение эмоций в виде жестов, мимики и т. п.).

Субъективные ассоциации отразились в нашем экспериментальном материале гораздо ярче и активнее, нежели объективные. В качестве примеров можно привести субъективные ассоциации на слово «кошкодуй»: «“Чума” Камю», «пожилой худощавый мужчина, холостой»; на «пупышевка»: «купола», «солянка», «сельскохозяйственное орудие (тяжелое)»; на «мыркалка»: «деревянная, злая, своя, старая», «игрушка, маленькая полоумная бабка».

Эмоция, испытываемая реципиентом, свидетельствует о возникновении у него определенного эмоционального «комплекса», который в свою очередь вызывает процесс торможения и, соответственно, задержку ассоциативной реакции. Учитывая этот момент, мы проводили эксперимент в условиях, при которых у испытуемого было достаточно времени на осознание и прояснение собственной эмоциональной ассоциативной реакции. Часть эксперимента, проводимая в устной форме, осуществлялась в виде беседы исследователя с испытуемым. При этом реципиент не знал о том, что принимает участие в психолингвистическом эксперименте, и время его ассоциативной реакции никак не ограничивалось. Таким образом, фиксировались и быстрые, непосредственные, и замедленные реакции. Часть эксперимента, проводимая в письменной форме, также реализовывалась без ограничений испытуемых по времени. Опросные листы реципиенты отдавали исследователю по мере их заполнения.

Особенно ярко влияние эмоциональной реакции на общее поведение испытуемых отразилось в той части эксперимента, которая проводилась в устной форме. После того как исследователь озвучивал слово-стимул, следовала незамедлительная эмоцио-

нальная реакция реципиента. Например, звучали следующие реплики: «Ты откуда такие слова берешь?», «Что? Повтори!», «Надо запомнить (записать), очень уж слово мне понравилось! Не знаю, что оно обозначает, но буду постоянно его говорить!», почти всегда сопровождавшиеся улыбкой или смехом. Чувствовалось их удивление и интерес к незнакомому слову. Нечто подобное можно было наблюдать даже в той части эксперимента, которая проводилась в письменной форме. Возвращая исследователю заполненные опросные листы, многие реципиенты делились впечатлениями, давали комментарии и поясняли свои ассоциативные реакции. Все это свидетельствует об эмоциональной реакции испытуемых на предложенные им для семантизации слова.

При актуализации фонетической мотивированности ассоциации вызывает звуковой облик слова (10,7% реакций). Вслед за С.И.Тогоевой [8] подобные примеры ассоциаций и субъективных дефиниций классифицируются как осуществляемые путем установления связи по сходству звукобуквенного комплекса. Например, ассоциация на слово *чушкан*: «тапочка» — «потому что тапочки похожи на *чешки*»; на слово *чурбачина* — «Китай» или «Чубакка» (герой фильма «Звездные войны»).

Некоторые испытуемые делили слово-стимул на морфемы и пытались определить, как оно было образовано, т.е. его словообразовательную мотивированность (5,1%). Например, определение слова *чушкан*: «грязный тушканчик» — «чушка + тушканчик». Или ассоциации и толкование слова *чурбачина*: «что-то большое; большой, но тупой» — «потому что оканчивается на -ина: детина, махина», «большой чурбак» — «чурбак + чина, по аналогии с «мужичина», «дурачина», «образина»».

Довольно часто испытуемые обращали внимание на предполагаемый корень незнакомого слова, т.е. определяли его лексическую мотивированность (15,2%). В концепции С.И.Тогоевой таким реакциям соответствует мотивационная стратегия идентификации слова. В качестве примера можно привести ассоциацию на слово *пупышевка* — «маленький ребенок лет 5-7»: «от слова «пуп» — это человек маленького роста, не выше пупка»; определение слова *дуропляс* — «человек, который плохо танцует» с объяснением: «это от основы двух слов: «дурно» и «пляшет»».

В ассоциативных реакциях и субъективных дефинициях испытуемых присутствуют элементы значения, опирающиеся на знание морфологических категорий, которыми потенциально может характеризоваться семантизируемое слово, на его морфологическую мотивированность. Например, толкование слова *чушкан*: «существительное; самец кого-то», «запачкавшийся представитель мужского пола»; слово *пупышевка* определяется как «какой-то предмет женского рода». С.И.Тогоева определяет такие случаи как категоризацию по линии языковых знаний.

Отнесение к определенному классу (категории) является основным принципом познания и са-

мым активным способом идентификации значения слова (68% реакций, полученных в нашем эксперименте). Такую идентификационная стратегия определяется категоризацией по линии знаний о мире. Например, *чурбачина*: «человек, поступок, ситуация», «какой-то бытовой предмет», «большая посуда».

С.И.Тогоева выделяет также стратегию отказа, актуальную для идентификации слов, наиболее незнакомых для испытуемых. В проведенном нами эксперименте по семантизации незнакомых слов стратегия отказа использовалась очень редко. Это свидетельствует о том, что испытуемые были увлечены, заинтересованы экспериментом, т.е. предложенные для семантизации слова вызвали у них эмоциональный отклик. В данных письменного эксперимента отразилось, что отказы от ассоциирования и определения субъективной дефиниции зачастую детерминированы эмоционально. Например, отказ от определения слова *кошкодуй*: «не знаю, не хочется думать пренебрежительно».

Обобщая результаты проведенного нами исследования, отметим, что эпидигматические (формально-семантические) ассоциации преобладают над парадигматическими (чисто смысловыми) ассоциациями. И это представляется нам закономерным, так как, семантизируя неизвестное слово, носитель языка в любом случае опирается на его форму (звучание, структуру и др.), тесно связанную со значением. Но эмотивность, зафиксированная во внутренней форме слова, позволяет осуществлять и парадигматические ассоциации, которые появляются на основе их эмоциональной общности с ассоциируемым языковым знаком. Например, *дуропляс* — «пьянка, рынок, гармонь, красная рубаха, камаринская, Петрушка».

Интересен тот факт, что в направленном эксперименте испытуемые иногда указывают прямо только на эмоции, которые они испытывают при восприятии слова-стимула. Например, *чурбачина* — «что-нибудь смешное, забавное и потешное»; *кошкодуй* — «слово смешное, нелепое» и отсюда значение — «растяпа, нелепый смешной человек, вун, болтун», «сочетание слов это какое-то несерьезное» и значение — «человек, который гонит всякую чушь, обалдуй», «мрачное слово» и ассоциация — «магия, колдун, котел, дым, черная кошка». Это еще раз доказывает, что испытуемые воспринимали незнакомое им слово именно эмоционально.

Представляется, что актуализация так называемых скрытых сем, потенциальной значимости осуществляется в основном за счет эмоции носителя языка. Эмоция дает толчок и направление семантизации языкового знака, определяет, какие именно потенциальные смыслы этого языкового знака будут актуализованы. В проведенном нами психолингвистическом эксперименте испытуемые воспринимали эмоцию, заключенную в языковом знаке со времени его создания (первоначального номинативного акта), и пытались выразить ее, опираясь на форму (например, на звучание слова, на его словообразовательную структуру), на содержание (парадигматиче-

ские ассоциации) и на форму и содержание языкового знака одновременно (эпидигматические ассоциации).

Анализ экспериментальных данных позволяет нам сделать следующий вывод. Так как внутренняя форма является центром чувственного образа, самым ярким его признаком, первой ступенью осознания человеком этого чувственного образа, она находится ближе всего к эмоциональному впечатлению, которое послужило толчком, первопричиной осуществления акта номинации, создания нового слова. Эмоциональное переживание носителя языка фиксируется во внутренней форме языкового знака и закрепляется его формальной организацией. Таким образом, языковая категория эмо-

тивности языкового знака проявляется именно в его внутренней форме.

1. Панов В.Г. Эмоции. Мифы. Разум. М., 1992. С.44-45.
2. Потебня А.А. Мысль и язык. М., 1999. 300 с.
3. Словарь образных слов и выражений народного говора / Под ред. О.И.Блиновой. Томск, 1997. 208 с.
4. Блинова О.И. Русская мотивология: Учебно-метод. пособие. Томск, 2004. С.5.
5. Глотова Н.Б. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2003. 23 с.
6. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1997. С.70.
7. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2001. С.673-674.
8. Тогоева С.И. Психолингвистические проблемы неологии. Тверь, 2000. С.97-109.